

Визитные карточки Одессы

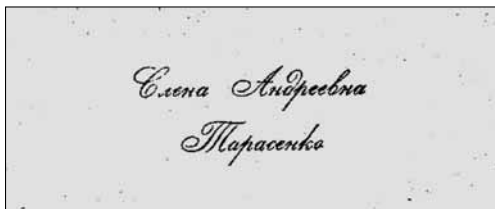
"Чем только ни занимаются люди!" — начинают свой рассказ о старом ребуснике Синицком Илья Ильф и Евгений Петров в романе "Золотой теленок". Действительно, занимались и продолжают заниматься чем угодно, где угодно, и Одесса не была и не есть исключение. К примеру, в первые десятилетия XX века наш земляк Г.З. Гершенман каллиграфически исполнял оригиналы визитных карточек, которые потом практически были выведены из обихода и теперь вернулись.

Поначалу визитные карточки печатали литографским способом. При этом каллиграфически написанный текст переносили на литографский камень, с которого делали нужное количество оттисков. Но так уж случилось, что еще в конце 1820-х годов в Одессе не было ни одного профессионального гравера и литографа, почему визитки печатали с клише, которые изготовляли резчики печатей. А в городской типографии стоял без дела хороший литографский станок со всеми необходимыми принадлежностями. В связи с этим 11 мая 1829 года в газете "Одесский вестник" появилась небольшая заметка, автор которой выражал уверенность в том, что "хороший литограф и даже средственный гравер могли бы получить здесь (в Одессе. — **Р. А.**) значительные выгоды. Литограф мог бы даже надеяться на пособие от местного начальства". Газета, пусть с большой задержкой, поскольку доставлялась почтовыми тройками, но попадала в другие города, в частности, Варшаву. И не прошло двух месяцев, как в начале июля оттуда, соблазненный, наверное, такими посулами, прибыл литограф Александр Браун и открыл литографическое заведение при городской типографии. Там он и начал печатать всевозможные планы, прейскуранты, этикетки для бутылок с вином и визитные карточки на разных языках, что в многонациональной тогда уже Одессе было как нельзя кстати.

Позже клише визитных карточек с оригиналов, написанных каллиграфами, изготовляли методом фотоцинкографии, который в 1888 году впервые в Одессе начали применять в типографии "М. Фрейденберг и К" на Екатерининской, 7. Дешевые же визитки набирали появившимися специальными каллиграфическими шрифтами и быстро печатали в многочисленных типографиях. Так, в "безразмерном" доме Синицыной, когда там еще жил Коссодо, была небольшая типография, где сотню визитных карточек с помощью выписанной из Франции скоропечатной машины "À la minute" печатали на белоснежном бристольском картоне ровно за пять

минут, как это было обещано заказчикам.

Одно время визитные карточки изготовляли и фотографы. В 1865 году баварский поданный, мюнхенский живописец и один

из первых одесских фотографов Филипп Гааз на Первой выставке Одесского общества изящных искусств экспонировал выполненные им фото-портреты, "Souvenir d'Odessa", представлявшие собой "наиболее живописные и красивые виды Одессы, снятые с природы чрезвычайно отчетливо", и 16 визитных карточек. Напечатанные фотографическим способом визитные карточки, в особенности исполненные Филиппом Гаазом, были высокого качества, но большим спросом не пользовались, поскольку стоили дороговато. Не желавшие роскошествовать или не имевшие на то возможности могли купить в магазине письменных принадлежностей В. Гринзафта на Ришельевской, 20, сотню пустых визитных карточек за 30 копеек и заполнить их самостоятельно. А в типографии Фесенко сто визиток вполне пристойного вида печатали за рубль или чутьчку дороже.

Рачительный хозяин крупной типографии, почетный гражданин Ефим Иванович Фесенко, такой мелкой работой тоже не пренебрегал и держал для нее один-два небольших станка, но основной доход ему приносила другая продукция. Типография Фесенко, открытая еще в 1883 году, поначалу располагалась в доме негоцианта Маврокордато на Греческой, 30. В 1897-м на этом месте по проекту архитектора Вильгельма Мартовича Кабиольского построили дом германского подданного Цезарь Карловича Гинанда, который перевел туда свою, с давних пор существовавшую, винную торговлю. А типография Фесенко расположилась в специально выстроенном для нее здании на Ришельевской, 47, где печатали книги, иконы, ноты, проспекты, каталоги, портреты, художественные открытки, карты, планы. В 1917 году, когда ко всем бедам, свалившимся на город, добавилась нехватка денежных знаков, довелось печатать и так называемые разменные марки города Одессы достоинством в 50 копеек, а годом позже — марки-деньги Украинской Народной Республики, на обороте которых был трезубец и надпись "Ходить нарівні з дзвінкою монетою". Помимо всего этого у Фесенко печатали разного назначения бланки: накладные, квитанции, счета, фактуры, прејскуранты, ведомости, формуляры. Для аптек печатали фирменные сигнатуры с изображением

зданий, в которых они располагались, для университета — матрикулы, другими словами, зачетные книжки, для училищ и гимназий — "Ведомости об успехах и поведении", как назывались табеля.

Теперь уже трудно представить себе, что при необходимости переговорить с родителями гимназиста или гимназистки учитель не говорил: "Скажи отцу, чтобы пришел в гимназию". На этот случай тоже имелся заказанный в типографии специальный бланк, который заполняли и с подписью директора отправляли родителям: "Свидетельствуя свое почтение, честь имею покорнейше просить Вас, Милостивый Государь *Георгий Иванович Никольский*, пожаловать во вверенное мне учебное заведение *Одесскую 1-ю Ришельевскую гимназию* в 12 час. 16 сего октября для совещания по вопросам учебно-воспитательного характера". Выдержанное в таких деликатных выражениях приглашение, которое, впрочем, самому гимназисту ничего хорошего не сулило, было напечатано не строгим каким-нибудь шрифтом, как повестка, скажем, к мировому судье или воинскому начальнику, а каллиграфическим с нажимами, наподобие прописей для уроков чистописания.

Визитные карточки печатали и в газетных типографиях, рекламируя это в своих же газетах: "Читайте!!! Визитные карточки только тогда будут изящны, дешево и красивы, когда их изготовит типография "Одесских вечерних новостей" на Греческой, 5". Похоже, если судить по его дневниковой записи, что именно здесь в апреле 1913 года, отправляясь в пятимесячное путешествие по Африке, заказал визитные карточки поэт Николай Степанович Гумилев, женатый на нашей землячке поэтессе Анне Андреевне Ахматовой. Сам по себе этот факт любопытный, но не более того. А бывает и так, что по прошествии многих лет визитная карточка становится достоверным и зачастую единственным свидетельством того, чего без нее уже никак не узнать.

В ялтинском доме Антона Павловича Чехова на отдельном столике в его кабинете стоит купленная им на Цейлоне большая деревянная чаша, доверху наполненная визитными карточками. Есть среди них и карточки одесских людей, которые приходили к писателю по делу или просто засвидетельствовать свое почтение. Потому не все из них виделись и беседовали с Чеховым, но карточки оставляли. Семен Маркович Гольдвейбер — журналист, печатался в газете "Южное обозрение" под псевдонимом Адасов, иногда грешил незамысловатыми рассказами. Яков Осипович Любарский, о котором известно лишь то, что он жил на Канатной, 72. Григорий Исидорович Модель — сотрудник редакции "Одесского листка", который

много лет печатал в этой газете материалы о порте, знал его до последней причальной тумбы и умер, оставив детям свое доброе имя да коллекцию трубок, привезенных ему знакомыми капитанами со всего света. Григорий Григорьевич Москвич — автор-изда-

Преподаватель
ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРИИ
и
КОММЕРЧЕСКИХ ВЫЧИСЛЕНИЙ
Х. СЕРЕБРЯНЫЙ.

Одесса, Базарная ул., д. № 1.

тель популярных "Иллюстрированных практических путеводителей" по Одессе, Москве, Петербургу, Кавказу, Крыму, Норвегии, Финляндии, Швеции... Иван Антонович Смирнов — секретарь Одесского литературно-артистического общества. Александр Соломонович Эрманс — врач, журналист, редактор-издатель газеты "Одесские новости", о которой известный сатирический поэт Дон Аминадо писал, что "не только в самой столице, но далеко за ее пределами, всем южанам... давно известно было, что "Одесские новости" это Эрманс...". Петр Александрович Нилус — художник, критик, прозаик, один из организаторов Одесского литературно-артистического общества, автор портрета Чехова, который он писал весной 1902 года, когда приехал в Ялту вместе с Иваном Алексеевичем Буниним, состоявшим в тесной дружбе с писателем и его сестрой Марией Павловной.

В кабинете Чехова возле его письменного стола стоит корзинка для бумаг, в которой множество лет лежал какой-то марлевый узелок, числившийся по описи музейных фондов как "разные ненужные бумаги". Коль написано, что ненужные, так никто в него и не заглядывал, поскольку десятки лет хранила и ведала всем в доме Мария Павловна. После ее смерти при приемке фондов новой сотрудницей узелок развязали и обнаружили там пожелтевшую визитную карточку Бунина. Ясное дело, что не Чехов бросил ее в корзинку для ненужных бумаг — сохранились визитки куда менее близких ему людей. По-видимому, в те годы, когда "белоэмигранта Бунина" у нас не жаловали и не печатали, сама Мария Павловна припрятала его визитную карточку подальше от чужого взгляда.

Случались, однако, и менее драматичные, скорее даже забавные истории, наподобие той, которая связана с эпизодом автобиографической повести "Время больших ожиданий" Константина Георгиевича Паустовского:

"В Одессе я привык перечитывать в газетах все, вплоть до объявлений. Никогда нельзя было знать, где встретятся перлы одесского стиля. Я по-

мню, как ошеломило меня одно похоронное объявление и своим содержанием, и своим умелым набором. Выглядело оно так:

РУХНУЛ ДУБ

Хаим Вольф Серебряный

*и осиротелые ветви низко склоняются
в тяжелой тоске.*

Вынос тела на 2-е еврейское кладбище тогда-то и там-то.

Это было очень живописное объявление. Можно было довольно ясно представить себе этот "могучий дуб", этого биндюжника или портового грузчика — Хаима Серебряного, привыкшего завтракать каждый день фунтом сала, "жменей" маслин и полбутылкой водки".

Кстати, полбутылка упоминается и в рассказе "Фроим Грач" Исаака Бабеля: "В моем лице ты имеешь типа, который способен захватить с собой полбутылки с любительской закуской и поехать кататься по воздуху в Аркадию...". И это вовсе не значит, что упомянутые граждане имели обыкновение выпивать за один присест всего только половину бутылки, а вторую предусмотрительно оставлять для другого раза. Полбутылка, которую в народе называли "косушкой", "четвертинкой", "мерзавчиком", "маленькой", "лампадкой" — от коей произошло и дожило до наших дней выражение "залампадить", то есть выпить, на самом деле была полной бутылкой, но вмещала четвертую часть штофа — то есть около 300 грамм водки, а если быть точным, как того требует упомянутый напиток, то 308 грамм. Но покойный Хаим Вольф Серебряный и этой дозы не выпивал, поскольку не биндюжником был, а преподавал двойную итальянскую бухгалтерию, что есть занятие не простое, требующее здравого ума и трезвой памяти. Прояснилась же его профессия благодаря отыскавшейся лет через двадцать после появления повести и отреставрированной великолепным фотомастером Сергеем Калмыковым визитной карточки самого Серебряного. Метафора же "рухнул дуб" и близкие к ней не такая уж редкость. К примеру, когда в апреле 1911 года хоронили редактора-издателя "Одесского листка" Василия Васильевича Навроцкого, то несли огромный венок в виде дуба с крупной надписью на ленте "Дуб сломался!" Но в объявлении метафора получила свое развитие и, как написал Паустовский, "всех особенно умилили эти "осиротелые ветви" — сыновья и дочери могучего Хаима". Сочинил объявление о "рухнувшем дубе" сын покойного Йоня, который, подобно многим тогдашним одесским молодым людям, а дело было в 1919 году, тяготел к изящной словесности.

В истории Одессы осталось появившееся в начале 1918 года литературное объединение "Зеленая лампа", в котором состояли Эдуард Багрицкий, братья Борис и Исидор Бобовичи, братья Георгий и Вадим Долиновы, Валентин Катаев, Юрий Олеша, Анатолий Фиолетов и еще с десятка полтора молодых и не лишенных таланта людей. Но "литературных мальчиков и девочек" в тогдашней Одессе было еще больше, и те, кто не вошел или, по словам Бориса Бобовича, не были приняты в "Зеленую лампу", решили организовать самостоятельно. За дело взялся заигрывавший с музой Леонид Ласк, который создал кружок с претенциозным названием "Бронзовый гонг". Себя он столь же громко поименовал президентом "Бронзового гонга", заказал визитные карточки с изображением этого гонга в окружении лавровых ветвей и, как уверял Эдуард Багрицкий, прикрепил их не только к воротам своего дома, но к растущим близ него акациям. И такие вещи не тогда придумали, а много раньше. Одесский старожил О.О. Чижевич вспоминал, как в начале 1850-х годов на визитных карточках одного молодого флотского офицера, напечатанных на французском языке, под фамилией значилось "enfant de la mer", то есть "дитя моря".

Но это был еще простенький способ саморекламы с помощью визитных карточек. Куда дальше пошел некий одессит, который летом 1889 года в преддверии очередных выборов гласных городской Думы на предстоящее четырехлетие напечатал, а потом через специально нанятых им людей раздавал прохожим визитки, на которых после фамилии, имени и отчества каллиграфическим шрифтом было напечатано: "Коллежский ассессор, воспитатель в пансионе при Ришельевской гимназии, покорнейше просит Вас, милостивый государь, записать его в список лиц, рекомендуемых Вами для избрания в гласные. По алфавитному списку его № 407-й. С глубочайшим почтением остаюсь Вашим покорным слугой".

Человеческие слабости, как та энергия, со временем никуда не исчезают, а лишь преобразовываются из одной формы в другую. Уже в начале нынешнего XXI столетия некая полиграфическая фирма в Одессе рекламировала визитки, "которые способны заочно создавать впечатление о Вас". А Пушкин-то считал, что впечатление о человеке должна создавать лишь его фамилия, и повелел напечатавать на своих визитках одно только слово "Пушкинъ". И, как было принято, в преддверии нового 1830 года разослал по петербургской местной почте эти визитки своим знакомым, в том числе тем, с кем был хорош еще в Одессе: Ивану Григорьевичу Сенявину, состоявшему когда-то при М.С. Воронцове, графу Александру Дмитриевичу Гурьеву, отставному генерал-губернатору графу Александру Фе-

доровичу Ланжерону, квартировавшему на Невском проспекте в доме генерал-майора Иосифа Сабира, внебрачного сына основателя Одессы адмирала Иосифа де Рибаса. По правилам тогдашнего этикета Гурьеву и Ланжерону как женатым людям Пушкин послал по два, как их в то время уважительно называли, визитных билета, один из коих предназначался супруге.

Визитными карточками обзаводились не только представители сильного пола. "...Знаете, о чем я больше всего мечтала гимназисткой? — признается героиня рассказа Бунина, который так и называется, "Визитные карточки". — Заказать себе визитные карточки!" И для этого вовсе не обязательно было быть начальницей гимназии, классной дамой в Институте благородных девиц или председательницей "Дамского общества вспомоществования бедным родильницам". Тесть Ильи Ильфа, происходивший из казаков Полтавской губернии, жил с семьей и держал пекарню в доме № 20 по Вознесенскому переулку за железнодорожным вокзалом. А его жена вела хозяйство, состояла, как говорили в Одессе, "при детей", но имела визитную карточку, на которой без всяких званий, должностей и титулов было напечатано: "Елена Андреевна Тарасенко". Правда, визитные карточки женщин, если они не служили где-либо или не состояли в какой-нибудь общественной организации, принято было печатать несколько меньшего размера, нежели визитки мужчин.

Что же касается текста визиток, то это зависело исключительно от желания владельца. Так, в начале XX столетия владелец красильной мастерской Артем Ананьевич Коженов, полагая, что те, кому он дает визитку, знают, чем он занимается, поместил на ней только адрес своего заведения на Полицейской, 20. А на визитке Николая Ивановича Савича значилось лишь, что он — управляющий аптекой городской больницы, местонахождение которой было известно всем одесситам.

Тогда, как во времена Пушкина, карточки тоже не обязательно было лично приносить и собственноручно вручать. Можно было отправить визитную карточку по почте местным письмом, что стоило 1 копейку, или иногородним, за 2 копейки. Этот льготный тариф распространялся исключительно на визитные карточки и пригласительные билеты, поэтому конверты с ними не разрешалось клеивать, чтобы на почте видели содержимое. Такие церемонии и правила теперь уже в далеком прошлом, а что осталось, так это визитницы. Носить с собой визитные карточки просто в кармане неудобно, перетягивать их резинкой как-то неинтеллигентно. И еще в 1860-х годах в "Английском магазине Виллиама Вагнера" на Дерibasовской, 16, можно было купить "книжечки для визитных кар-

точек", то есть изящные серебряные, иногда позолоченные, из черепахового панциря или белого металла визитницы. У многих состоятельных, респектабельных, пребывавших, что называется, на виду людей в прихожей непременно стоял небольшой изящной работы столик с серебряным подносом, на котором визитеры оставляли визитную карточку. Бывало, что в прихожей гостей встречало чучело медведя, который держал в лапах поднос для карточек. Если же хозяина не оказывалось дома, то верхний левый угол визитки было принято загибать. Через много лет, когда все это, когда-то такое обычное, осталось в далеком прошлом, Валентин Катаев, вспоминая свою первую встречу с Буниным, написал, что у него был "крахмальный воротничок — или, как тогда говорили, воротнички, — высокий и твердый, с уголками, крупно отогнутыми по сторонам корректно-лилового галстука, подобно уголкам визитных карточек из наилучшего бристольского картона".

Бывали визитные карточки целевого назначения. Григорий Григорьевич Маразли часто давал званые завтраки, для приглашения на которые имел специальные карточки, одна из которых, напечатанная каллиграфическим шрифтом, сохранилась в коллекции Анатолия Дроздовского: "Г.Г. Маразли, — значитесь в центре ее, — покорнейше просит Вас сделать честь пожаловать к нему на завтрак в...". А дальше от руки вписывались дата и время. Легко это было, удобно и не выходило за рамки этикета.

В типографии на Дворянской, 8, можно было заказать визитные карточки с видами Одессы, которые, врученные приезжему человеку, помимо своего прямого назначения становились в некоем роде сувениром. А печатали их там еще в 1900-х годах, потому как традиция украшать карточки всякими рисунками, эмблемами, символами, вензелями, монограммами не сегодня и не вчера зародилась.

Крупные торговые заведения, чаще всего в преддверии праздников, тоже обзаводились визитными карточками, и специально нанятые люди раздавали их прохожим: "М. Г. (нынешнему читателю нужно пояснить, что это означало "Милостивый государь". — **Р. А.**) Имеем честь поздравить Вас с Новым годом! Торговый дом М. Рауш. Депо фортепиано. Одесса, Полицейская, № 33. Основано в 1856 г."

Владельцы типографий могли приобретать заготовки визиток на Троицкой, 58, где была "Фабрика роскошных картонажей для визитных карточек, меню, свадебных и приглашительных билетов" Мирона Поросюка, который в 1907 году выпустил "Иллюстрированный прейскурант визитных карточек и свадебных билетов".

В текстах реклам обычно используются хорошо знакомые читателям слова и понятия, каковыми еще в давние времена считались "визитная карточка". На этом, к примеру, построено несколько наивное, зато доходчивое рекламное объявление 1898 года:

"Сценка в типографии.

"Вам что, сударь, нужно?"

"Визитные карточки заказать".

"Продиктуйте текст".

*"Пишите: "Степан Степанович Степанов,
записной курильщик папирос "Голубка"
фабрики Я.С. Кушнарёва в Ростове-на-Дону,
представительство в Одессе, Греческая, 25".*

Нередко рекламное объявление представляло собой изображение визитной карточки с надписью типа "Парикмахеръ И.М. Мегердичевъ. Ланжероновская, 12".

При такой известности, разнообразии и распространении визиток каллиграф Гершенман, наверное, без работы не оставался и перо на полку не должен был положить у себя на Малой Арнаутской, 101, по соседству с бакалейными, колбасными, мучными, молочными, мясными лавками, сапожными, картонажными, слесарными, столярными мастерскими и не самого высокого пошиба гостиницей "Майбах", где, как говорили, можно было днем "переночевать", и визитную карточку не требовалось предъявлять ни гостиничной обслуге, ни какой другой...

